



Евгения Доброва – писатель, литературный критик, поэт, переводчик. Окончила Литературный институт им. Горького. Стипендиат министра культуры и национального наследия Республики Польша по программе Gaude Polonia, стипендиат Варшавского университета по программе Artes Liberales в области литературоведения. Член международного ПЕН-Клуба. Родилась и живёт в Москве.

Лукаш Ярош



Лукаш Ярош (Łukasz Jarosz) – поэт, музыкант. Автор нескольких поэтических сборников. Победитель многочисленных литературных конкурсов: имени Витольда Гомбровича, Кшиштофа Камила Бачинского, Рафала Воячека, Райнера Марии Рильке и других. Лауреат премий имени Виславы Шимборской.

Из книги «Полнокровие»

КОРОНАЦИЯ

В огне трещит рождественский
венок. Шорох ставит точку в детской песне.
Восходит время. Завернул ёлку в бумагу,
убрал в шкаф. Жена приносит обручальное кольцо –
забыл на раковине, – склоняется над письмом.

Пришло издалека. От женщины, которую она давно считала умершей.

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Молодые приезжие девушки, их беспомощность и уродливость, когда прыгают с мостков. И ещё не убирают мусор. Их слепит ясный день, показывает, где границы природы. Блеск, подсмотренный в ветвях, что хочешь ты показать? Как я касаюсь мира или мир касается меня? Ты даешь всё, что нужно тебе самому. Смотри, я сложил руки домиком, в нём бабочка, мохнатый мотылек. Лето, потрескавшееся о капоты машин.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ МОЕЙ МАТЕРИ

После родов ужасно посыпались зубы, – говорит, обвивая ниткой говяжьих рулеты. Вот будут у самого дети, поймёшь, – объясняет и обрезает.

Я – тело; у меня с ним разные приключения. Набираю в ванну воды, чтобы выкупать дочку. Утром ей на годик я надувал шарик, которые быстро лопались под июньским солнцем.

Кшиштоф Шатравский



Кшиштоф Шатравский (Krzysztof Szatrawski) – поэт, переводчик, музыкант, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне. Лауреат Премии губернатора Вармии и Мазурии в области культуры, Премии мэра Ольштына, Международной Волошинской премии. Обладатель статуэтки святого Иакова за достижения в культуре. Переводил на польский язык поэзию Иосифа Бродского. Живет в **Ольштыне**.

Из книги «Так тихо поет полночь»

ИСТОРИЯ

ПЕРВЫЕ ПОВИННОСТИ

1.

я даже не могу сказать, когда
всё это началось
ещё в конце шестидесятых
время тянулось медленно
я собирал марки
игрушки на полках
умирали смертью невинных
запах очередной весны
смешивался с утренней тишиной
облака и земля
менялись местами
словно всё, что происходит
могло повторяться вечно

мой брат появился на свет
завернутый в мягкое розовое одеяло
по телевизору показывали репортажи из вьетнама
и высадку человека на луну
я помню когда это было
мы только что вернулись из цирка
а цирк в нашем городе
был ежегодным чудом
в антрактах мы ели шоколадки
песочное печенье в шуршащих пакетиках
возле клеток с хищниками
можно было встретить всех своих знакомых
наконец, фотоснимки людей в скафандрах цвета ртути
сходящих на землю, которая уже не была землей
становились последним номером вечернего представления
и те люди уносились в растворе лунного света
раздвигая неподвижные воды наших мыслей
отец взволнованно комментировал факты
уже не помню, что он говорил
и ложились мы позже обычного

2.

наше время, я помню, должно было быть самым лучшими
в нём всегда будет солнце, как в песне, и я, наверное
верил: да, так и будет, независимо от погоды
и весёлые песни будут всегда
но дождь смыл улыбающиеся лица с плакатов
цветы превратились в мокрый комок промокашки
и мне всё чаще приходилось обещать, что больше
больше никогда не забуду, что всегда
всегда буду паинькой, что всё
всё что угодно может случиться, но ничто
ничто меня не оправдает

приклеившись лбом к стеклу
я смотрел, как прилежно движутся звёзды
времена года, замирающие в отдалении, и не считал дни
ибо утраченное время – приговор к медленной смерти
а смерть беспрекословна и отпускает все грехи
даже бессмысленность, эгоизм, беспринципность
наши души обречены блуждать в тёмной долине
и только спесь обращает нас в ничто

3.

я помню тихие дни, тишину деревьев
шаги в саду по опавшей листве
помню тёмные коридоры, внезапный шелест крыльев
но ни разу это не оказался ангел, так, птичка-невеличка
летучая мышь в садовой аллее, грач, выющий гнездо
вместе с ним я проскальзывал между одиночеством
и разочарованными взглядами, я хотел
да, я хотел, чтобы обо мне говорили с гордостью
какой умный мальчик, хороший парень вырастет
я носил тяжелый ранец и нашивку, над которой
могли всласть посмеяться друзья, а позже читал
толстые книги про бабочек, ангелов, будни шахтеров
начиналась дождливая пора
реки неслись мутным пенным потоком
я читал о путешествиях в параллельные миры
стихи о подготовке к концу света
шли дожди, страницы пропитывались влагой
проблески солнца, разгоравшегося все сильнее
терялись среди первых повинностей
я вставал рано утром и бежал в школу

перепрыгивая через лужи
иногда, хоть и нечасто
под монотонную диктовку записывал тему урока
доска была вся в белых царапинах, и я
писал на них имена национальных героев, даты побед, поражений
численность поголовья крупного рогатого скота в австралии
я не вырезал на скамейках сердечки и не припомню
чтобы кто-то мог нарушить мальчишеские табу, поддаться
телячьим нежностям и быть за это осмеянным
может, все те сердечки вырезали старые девы
оставив нам только глубокие следы
по котором нельзя пройти, не споткнувшись
но я помню собак с привязанными консервными банками
кошек, задыхающихся в стальной удавке дверной ручки
обезумевших от боли животных, вырывающихся от мучителей
безжалостную охоту и поджатые губы палачей
позже они разделили судьбу своих жертв, открыли газ
затянули веревку на шее
и сбежали от собственного страха
я не убивал кошек, я всегда верил, что у животных
душа шире и глубже, чем у людей
на рыночной площади я видел коней, скованных
крестьянскими упряжками, в деревне – коров и овец у плетня
я смотрел в их загадочно задумчивые глаза
позволял лизнуть испуганную руку
или совал пучок сена
я не воровал яблоки из соседского сада
хотя не было, наверное, ничего вкуснее
но яблоки и так всегда были у нас на столе
всю зиму доносился из подвала их запах

4.

странный это был месяц, странный год
взрослые разговаривали тихо
или прервали разговор, завидев нас
взрослые паковали скарб и ждали чуда
тянулась дождливая пора
пролетели строем военные самолеты
солдаты в кирзовых сапогах и пилотках
маршировали на юг, чехословакия
теряла свои цвета в потоках дождя
армия с севера покоряла страну

которая вновь была частью империи, и снова власть принадлежала рабочим и колхозницам в серых фартуках а солдаты пели жалобные песни и старинные романсы герои в окружении девушек и цветов их ждала только слава фотографии в учебниках истории и фестивали солдатской песни все случилось так быстро чудо свершилось, и снова развевались флаги на ветру транспаранты с патриотическими изречениями а над этим всем вставало солнце как всевидящее божье око

5.

мы изучали бога на уроках религии с богом наш ксендз был на «ты» он всегда говорил громким голосом словно с поправкой на расстояние отделяющее нас от самого высшего залпом поглощал мудрость книг разменивал имена апостолов на его губах кагор превращался в воду ему нравились мальчики и мужские разговоры

а после я бежал на репетицию мы играли рок-н-ролл и блюз подбирали самбу Сантаны друзья обнимали на танцах девчонок и ничего такого не могло произойти

6.

и снова была дождливая пора на уроках математики мы вычисляли значение смысла жизни луч наивысшей небесной сферы наш физик объяснял законы термодинамики разницу температур между раем и адом и длились до ночи первые серьезные разговоры мы сидели на лавочке в парке, глядя на текущую воду кроны деревьев защищали нас от дождя если вообще нас что-то могло еще защитить

редкие прохожие оборачивались
словно были не согласны с нашей точкой зрения
и правда, с точки зрения садовой скамейки все выглядит иначе
чем в так называемой жизни
которая вскоре стала и нашей
и, может, впервые мне пришлось забыть обо всем
чему я научился, и обо всем, что из меня сотворили
и стало светло, и дождь перестал